

В дневнике Нарышкина, как и в дневниках его предшественников, детальное, но чисто внешнее описание жестов, требуемых светскими условностями, часто пробуждает у читателя впечатление «остранения». Когда читаешь о том, как высокородные путешественники по прибытии в Милан «погода маленько поехали alla piazza del Duomo, гдѣ в сие время, сиречь в 24 часа сежаютца многие дамы и кавалеры. Постоя тут в карете с час и сделавши малой круг по городу, поехали мы домой»,²⁷ или о том, как в Вероне «поехали al Campo de Fior, гдѣ многие кавалеры и дамы зежаютца для Fresco»,²⁸ невольно возникает впечатление обнажения условности и искусственности светской жизни, столь часто изображавшейся в литературе XVIII века глазами «дикаря» или инопланетного существа. Визиты вежливости, беседа, танцы, которых Иван зачастую был лишь пассивным наблюдателем, являлись важной частью тех «европейских» обычаев, которые Петр Великий пытался привить на русской почве, например при помощи знаменитых ассамблей. Педагогические усилия Петра, окружавшего неусыпной заботой своих юных кузенов во все время их долгого пребывания за границей, преследовали те же цели, которые почти в то же время побудили его к изданию «Юности честного зерцала». К сожалению, мы мало знаем о жизни Ивана Нарышкина после его возвращения на родину, чтобы установить, оправдали ли результаты его обучения надежды Петра.

Перевод С. И. Николаева

²⁷ 6 сентября 1716 г. (РНБ, ф. 1000, оп. 3. № 339, с. 45).

²⁸ 26 августа 1716 г. (там же, с. 18).